

ИНСТИТУТЫ И ИНСТИТУЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

О.В. Иншаков

Одним из условий современного успешного практического институционального реформирования и проектирования будущего российского общества по-прежнему остается системная разработка базовых и производных понятий институциональной теории.

Однако институциональное направление в науках об обществе – социологии и экономике, философии и истории, юриспруденции и культурологии, этнографии, антропологии и других – в течение веков сохраняет в качестве «ахиллесовой пяты» неоднозначность основных понятий, значительную несовместимость теоретических фрагментов и дискретность своего категориального поля. Используемые определения социальных институтов изначально многозначны настолько, что могут ввести в глубокое заблуждение. К институтам относят все: нормы и правила, организации и учреждения, органы и отношения, сообщества и статусы, рутины и ритуалы, обычаи и традиции, образ мышления и поведения. При таком собирательном подходе понятие социального института теряет границы и масштабы собственного содержания, перестает быть тем особенным, которое есть результат взаимодействия всеобщего и единичного для определенного класса феноменов с качественно специфической информацией.

Экономический институт можно назвать, пользуясь метафорой Р.И. Полякова¹, «понятием-сфинксом», имея в виду предельную неопределенность предлагаемых определений

и трактовок, придающую данному феномену некий мистический характер. Это понятие балансирует на грани нулевого и всеобъемлющего смысла, «лишнего» термина и «ключа к тайнам хозяйства»... Но следует иметь в виду, что «образность в научном доказательстве вообще возникает там, где обнаруживается недостаток логики, слабое место в подлинно теоретическом категориальном движении мысли»².

Одним из главных стимулов написания этой статьи стало стремление преодолеть имеющуюся фрагментацию и нарастающую вульгаризацию институциональной теории. Мощный и мутный поток якобы «институциональных исследований» заполнил отечественное информационное пространство. Институциональная «революция» в отечественной экономической науке последнего десятилетия XX в., переживая период бума, сейчас имеет тенденцию к трансформации в свой антипод – постмодернистскую «контрреволюцию». В начале XXI в. институционализм еще предстает как *upstream* (восходящее течение) экономической мысли, реализуя мультипликативную дифференциацию направлений исследований и их позитивную междисциплинарную интеграцию, рефлексивно отражаясь в практике экономических трансформаций. Растущая актуальность данного направления экономических исследований стимулирует многих ученых спешно «перековываться» в институционалисты, расширяя тем самым агентскую

базу его постмодернистского варианта. Растет количество диссертаций по институциональной тематике, где многие ключевые проблемы не получают должного осмысления, а принимаются как данность, а многие выдвигаемые в ранге научной новизны идеи граничат с вульгарностью.

Сложившаяся к настоящему времени нечеткость понятийной системы институционализма, упрощение или, напротив, чрезмерное расширение определений его основных категорий порождают искаженное отражение и торможение процессов практической модернизации хозяйственной действительности. Это в значительной степени дискредитирует институциональную теорию, которая нередко рассматривается как некая скоропреходящая научная мода. Институционализму подчас отказывают в экономическом содержании, сводя его предмет исключительно к области социологии или права³.

Однако бороться за доказательность, реализм, обоснованность и достоверность выводов общественных наук особенно необходимо именно в «переходные времена», когда неустойчивость знания вызвана отрицанием предыдущей парадигмы, ее авторитетов. Поиск новой парадигмы может оказаться сведенным к принятию чужой, ранее существовавшей, победившей, но не самой достойной. Проблема вульгаризации характерна не только для экономической, но и для любой общественной науки России нашего времени⁴.

В отечественном институционализме имеет место плюрализм поверхностных мнений и фрагментарных суждений. В итоге теряются действительно важные моменты – четкость текстов и чуткость к текстам. Масштабная эмиссия идей, касающихся различных вопросов институциональной теории и практики, но имеющих под собой слабую теоретическую основу, ведет к раскручиванию инфляции продуктов познания и девальвации статуса данного направления в экономической науке современной России. Категория общественного института стала широко употребляться в быту, где приобретает любые значения и изменяется до неузнаваемости. Так, чиновники, депутаты и «просвещенные журналисты» наперебой оперируют понятиями институтов президен-

тской власти и гражданского общества, парламента и ежегодного послания Президента РФ Федеральному Собранию, криминальной «крыши» и всенародных праздников. Недостаточная четкость понимания институциональной терминологии приводит к тому, что, например, в ходе дискуссии по поводу создания Общественной Палаты ее называют и особым органом, и независимым институтом, искажая тем самым функциональную роль данной структуры.

Институт и организация (иногда – институция) рассматриваются как «понятия подвижные, а не застывшие; они изменчивы и текучи. Они то употребляются как синонимы, то противопоставляются друг другу. Каждый использует их с тем большей легкостью, чем меньше знает, что именно они обозначают. Но когда пытаешься эти понятия определить и отделить друг от друга, возникает множество проблем и трудностей»⁵.

Социальными институтами ученые называют религию и церковь, конкуренцию и рынок, искусство и профсоюз, культуру и спорт, право собственности и частную собственность, военную обязанность и армию, семью и образование, здравоохранение и найм, дружбу и государство, суд и партии, науку и управление, ломбард и деньги, налогообложение и Internet, клонирование и Киотское соглашение, брэнды и полицию, а также многие другие явления общественной жизни. Такая «идентификация» удивляет и заставляет искать новые аргументы развития научной теории.

Понятие института связывают как с отдельными людьми, так и с их группами, классами, нациями, сообществами и человеческим обществом в целом. В различных науках доминируют различные трактовки институтов, которые демонстрируют неприятие понятий смежных областей знаний. Это приводит к сохранению и углублению разобщенности наук об обществе в рамках реализации институционального подхода, подтверждает и консервирует системную незавершенность его категориального аппарата, препятствует интеграции исследований и исследователей.

Справедливой видится принципиальная позиция Д.С. Львова: «Пора преодолеть разобщенность и профессиональную замкнутость ученых, развивающих институциональ-

ные концепции в рамках узко дисциплинарных “картин социального мира”. Спектр вопросов, требующих глубокого институционального изучения, очень широк, и сами по себе его не в состоянии полностью охватить ни экономическая наука, ни социология, ни государственное управление. Необходимо активизировать совместные разработки в рамках блока общественных наук, в том числе и в исследовании институциональных проблем»⁶.

Наиболее развернутыми системами категориального отражения институционального устройства общества традиционно обладают социология, экономическая теория и юриспруденция, черпающие эмпирический материал из истории и актуальной реальности. Существенные различия в категориальных системах этих наук мешают созданию полной институциональной концепции. Настало время «движения навстречу друг другу» в русле интеграции наук об обществе для преодоления разобщенности сформировавшегося конгломерата институциональной теории, перехода к системности представлений об институтах общества от односторонности в их исследовании⁷.

Институт в социологии трактуется как «установленный порядок правил и стандартизированных моделей поведения. Термин используется разными способами и, следовательно, часто бывает двусмысленным. *Социальный институт* относится к образованиям, охватывающим большие массы людей, чье поведение управляется *нормами и ролями*»⁸. Это также «исторически сложившиеся и закреплённые, устойчивые, самовозобновляющиеся виды социальных взаимодействий, призванные удовлетворять те или иные человеческие нужды» или «система упорядоченных статусов и ролей, принудительно, неодолимо обеспечивающих самовозобновляемость, регулярность принятого (ожидаемого) характера процесса удовлетворения потребностей людей»⁹.

Проявлением неоправданной редукции категориального аппарата институционализма можно считать издание в СССР фундаментального труда Т. Веблена «Теория праздного класса» (1984 г.), в ходе перевода которого был полностью опущен авторский подзаголовок, в котором указывалось именно понятие инсти-

туции – «An Economic Study of Institution». Такой подход стал традицией и воплотился в переводе трудов Д. Норта, Т. Эггертссона, Дж. Ходжсона и др.¹⁰, в то время как в оригинале их труды посвящены прежде всего экономическим институтам¹¹. Это закрепило применение термина «институт» и способствовало отказу от категории «институция» при описании феноменов соответствующего характера. Кстати, свободные от инерционно закрепившихся в экономической науке клише представители смежных областей знания верно транслируют данный термин с позиции дифференциации видов деятельности. Примером может служить перевод статьи С. Нила, увидевший в свет в 2002 г. под названием «Арт-синема как институция»¹².

На современном этапе сложившийся и доминирующий редукционный подход к формированию категориального ряда институционализма становится тормозом его развития в социологическом, экономическом, правовом и других аспектах. Это часто приводит к отождествлению понятий, описывающих социальные формы структур и функций, а примером их верного различения могут служить исследования А.Р. Рэдклиффа-Брауна¹³. Неверные переводы источников и вульгаризация институциональной теории значительно затрудняют восприятие результатов оригинальных зарубежных исследований, в которых наибольшее употребление находит термин «институция»¹⁴. Это также обедняет научный инструментарий российских исследователей, не заметивших или проигнорировавших призыв Дж. Ходжсона перейти от изучения обычаев и привычек к познанию институций¹⁵. Последние все еще предстают для многих ученых загадочным «фактором X»¹⁶.

Отечественные ученые, как и их зарубежные коллеги, часто не обращают внимания на различие исходных категорий институционализма и подменяют институцию организацией, а организацию называют институтом, последний же трактуют как инструмент, орган или механизм. Имеет место и обратный ход рассуждений, что вызывает необходимость очертить систему исходных категорий и провести их дифференциацию.

В основе понимания институциональной природы и специфики человека должно лежать

понимание институции как фактора и продукта жизнедеятельности человека. Для этого надо исходить из новой генетической теории факторов производства как общественного бытия, в которой производственная функция хозяйственного субъекта (системы) любого уровня масштаба и сложности представлена следующим образом: $Q = F(A, T, M, Ins, O, Inf)$, где Q – произведенный продукт; A – человеческий; T – технический; M – материальный; Ins – институциональный; O – организационный; Inf – информационный факторы его создания¹⁷.

Взаимодействие этих факторов, или необходимых компонентов и созидательных сил, составляет содержание человеческого труда, в котором они всегда присутствуют в двух формах: как вещественные трансформационные факторы (человек, техника и материалы) и как полевые трансакционные (институция, организация и информация)¹⁸.

В исторической эволюции соотношение роли, сложности и многообразия форм проявления трансакционных факторов по отношению к трансформационным непрерывно менялось. Поэтому на разных исторических этапах эволюции российского хозяйства и общества решались различные задачи: освоения природного пространства, наращивания демографической мощи, технологического переоснащения, увеличения информационной составляющей в производстве и т. д., но для этого требовались вполне определенные институциональные изменения, нередко представлявшие собой единственную преграду дальнейшего развития.

Человеческая деятельность осуществляется в определенных условиях, основывается на освоенных ресурсах, активно применяемых в качестве факторов производства. Тем самым расширенно воспроизводится многообразие продуктов, формируется искусственная природа человеческого бытия, его предметное поле. Поскольку в хозяйственной жизни общества функциональным является все, то без введения в устойчивую социальную форму (то есть без институции) никакое действие, будь то акция и реакция, трансакция и трансформация, трансляция и т. д., не может быть осуществлено. Освоение определенного жизненного пространства создает необходимые ресурсы хозяйственной деятельности

(вовлеченные и доступные для использования элементы природного и социального миров). Ресурсы присваиваются хозяйственными субъектами и вовлекаются в их деятельность в качестве факторов производства. Непрерывный переход от освоения ресурсов к присвоению факторов обеспечивает накопление богатства и имущества в хозяйственном континууме¹⁹. Институциональной формой условий деятельности является пространство, ресурсов – богатство, факторов – имущество, которые организуются и информационно отражаются в хозяйстве страны.

Каждый фактор путем трансформаций или трансакций создает адекватные ему свойства искусственных продуктов, тогда $Q = F(Tf; Ta)$, где Tf – совокупность трансформационных факторов производства (A, T, M), а Ta – совокупность трансакционных факторов (Ins, O, Inf). Исходя из приведенного выражения, справедливо и другое: $Ins = \varphi(A, T, M, O, Inf, Q)$. Каждая институция зависит от знаний, умений и навыков своего актора; используемых им технических средств; предметов деятельности и среды; внутренней структуры, места и роли в обществе; пространственно-временного континуума и контура осуществляемой деятельности. Кроме того, соединение комплементарных факторов A и T порождает технологии (V) как видовые комплексы взаимодействия человека и техники, а соединение комплементарных факторов Ins и O создает институты как видовые комплексы взаимодействия институций и организаций (W). С учетом этого справедливо: $Q = F(V, M, W, Inf)$, где V и W являются интрафакторами системы производства, а M и Inf – ее входом и выходом.

Институция, социально закрепляя функции человека в его деятельности, относится в одну группу с однородными ей, которые ранее рассматривались только в виде производственных отношений, но не сил. Это позволило выделить в системе производственных отношений функциональную (институциональную), структурную (организационную) и генетическую (информационную) группы. Главной проблемой рационализации и повышения социально-экономической эффективности производства становится достижение необходимого уровня развития, пропорциональности и гармоничности всех взаимодействующих факторов.

Институты вводят человека в статус центрального элемента хозяйства, его главного фактора и продукта, поэтому актуальным и значимым становится их изучение в универсальных временном и пространственном аспектах, ведь, «хотя институциональные формы можно изменить быстро, все же, чтобы они оказались устойчивыми, они должны находиться в надлежащем соответствии с самим человеком: они не сохранят стабильность, если они изменяются намного быстрее, чем меняется сам человек»²⁰.

Несколько некорректно говорить об отдельном «мире институтов», поскольку социального мира вне институтов и институций вообще не существует. Никакой процесс совместной деятельности людей не может быть осуществлен без «участия» последних, как всеобщего эндогенного, однако не без центрального фактора человеческой деятельности (А), закрепляющего и устойчиво воспроизводящего систему общественного и частного разделения труда. Здесь методологически полезным может оказаться предостережение Г.Б. Клейнера, обоснованно полагающего, что «обращение с безусловно важным принципом институтоцентризма требует аккуратности... Мир институтов всепроникающ, но не всеобъемлющ. Кроме институтов, в социальном мире действуют интересы, ожидания, намерения, культурные артефакты и т. д.»²¹, то есть, по нашей концепции, институциональные атрибуты, порождаемые, в свою очередь, различными институциями и институтами и немислимые в отрыве от них. В этом смысле институциональное пространство не дискретно, а континуально и целостно.

В трактовке Т. Веблена именно институция определялась как «стереотип мысли», «привычные способы реагирования на стимулы», «распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций»²². Здесь тоже проявился функциональный подход к пониманию данной категории, но с явно выраженным субъективистским акцентом.

Б. Малиновский, А.Р. Рэдклифф-Браун, а затем Т. Парсонс связывали природу институтов с реализацией функциональных предпосылок и императивов эволюции общества.

Э. Дюркгейм рассматривал институты как функциональные формы социальной организации, связанные с общими условиями коллективной жизни. Э. Гофман относит институт к социальным формам организации жизни общества, а бюрократически организованный институт даже определяет как «тотальное учреждение». Институты, видимо, по содержанию гораздо ближе к учреждениям (хотя и не сводятся к ним), а не к самим по себе нормам и правилам. Таким образом, социология создала необходимые предпосылки исследования институтов хозяйства, однако это еще не достаточные предпосылки.

Этимологическое значение слова «институция» (от лат. *institutio*) – устройство, образ действия или наставление, учение, указание. Поэтому ее следует понимать онтологически как форму социализации человеческой функции (действия, операции или комплекса операций с конкретным продуктом). Гносеологически институция – свод, система знаний (инструкций) по осуществлению этой функции, как описание данной функции для передачи информации о ней, для обучения, для формирования актора, способного выполнять эту функцию в системе правил, норм, положений, инструкций.

Институт (от лат. *institutum*) – установление, учреждение или организация, посредством которых институции реализуются. В этих институциональных организациях воспроизводятся социально дифференцированные и закрепленные функции, где им обучают новых акторов, делая их агентами соответствующих институтов. В этом эволюционная роль институтов как «твердых структур» в хозяйственных системах в отличие от «мягких» институций, которые, только «затвердев» в социальных структурах организаций, передаются и сохраняются.

Потребности трансформации российского хозяйства создали новые стимулы для прочтения классических и современных работ новых институционалистов. Для развития институциональной экономики в России особое значение приобрели работы как зарубежных ученых (Р. Коуза, Д. Норта, О. Уильямсона, Дж. Ходжсона, Т. Эггертсона и др.), так и отечественных (В.Г. Гребенникова, Б.А. Ернзяна, С.Г. Кирдиной, Г.Б. Клейнера,

Д.С. Львова, В.Л. Макарова, В.И. Маевского, А.Н. Нестеренко, А.Н. Олейника, В.М. Полтеровича, В.В. Радаева, В.Л. Тамбовцева, А.Е. Шаститко и др.).

Детальный обзор категориального аппарата институционализма в западной экономической литературе дал Дж. Ходжсон²³. Современные экономические определения института опираются обычно на понятие нормы или правила различных аспектов деятельности хозяйственных субъектов и их групп²⁴. В.М. Полтерович в целях специального исследования институциональных «ловушек» использует термины «институт», «норма», «правило поведения» в качестве синонимов, не вдаваясь в теоретические уточнения²⁵. В.Г. Гребенников вводит понятие «рефлексивной нормы»²⁶, а под институтом понимает «фактически действующую рефлексивную норму и ничего кроме нее», хотя ранее им предлагалось²⁷ считать институтом комплекс устойчивых ролевых функций. В спектре современных определений институт представляется и как «комплекс ролевых отношений», и как «интегрированный комплекс традиций и рутин», и как реализующий комплекс – «норма плюс механизмы, контролирующие и поддерживающие ее выполнение»²⁸. Можно встретить и такую компромиссную позицию: «Институт – это правило игры, формальная или неформальная норма, обычай, стереотип поведения (мышления), организационная форма (в частности, фирма и т. п.)»²⁹. Разве можно синтезировать строгое понятие их расплывчатого определения с неоконченным перечислением феноменов?

Уточняя в 2003 г. методологический аспект своей концепции, Дж. Ходжсон определяет институты «в основном как долговечные системы сложившихся и укорененных правил, которые придают структуру социальным взаимодействиям»³⁰, что также способствует расширительной трактовке данного термина и вульгарному его использованию³¹. Далее мысль развивается следующим образом: «Короче говоря, институты суть системы социальных правил. Термин “правило” здесь трактуется в широком смысле, как предписание или установка в ситуации *X* делать *Y*. Тем самым сюда включаются как нормы поведения и социальные конвенции, так и юридические и формальные правила. По своей природе ин-

ституты должны основываться на некоторых общих концепциях – только тогда правила будут действенными. Языковые, денежные, правовые системы, системы мер и весов, правила дорожного движения и поведения за столом, а также фирмы (равно как и все прочие организации) – все это институты»³². Но правила поведения акторов – функция от содержания, масштаба и уровня их действий и отношений с условиями, ресурсами и факторами последних.

Далеко не все, что социально упорядочено, можно целостно рассматривать в качестве правил, хотя институциональный аспект есть во всех субъектах и объектах общественных систем. Конечно, сфера действия институтов прямо или косвенно связана со всеми условиями, ресурсами, факторами и продуктами общественного бытия. Поэтому институциональную форму принимают не только акторы, становясь агентами общественных структур, но и все предметы, вовлеченные в сферу общественного бытия.

В.В. Зотов, В.Ф. Пресняков и В.О. Розенталь определяют экономические институты как «общественно признаваемые функционально-организационные формы коллективной экономической деятельности, через которые реализуются системные функции экономики»³³. Многие экономисты считают институтами фирмы и домашние хозяйства, организации и финансово-промышленные группы, банки и биржи, профсоюзы и парламент, деньги и церковь. Почему это возможно? Что общего у этих, казалось бы, принципиально разных феноменов? Еще труднее объяснить использование для определения экономического института понятия «нормы», трактуемой в качестве его базового компонента³⁴. Представляется, что при наличии несомненной связи суть институтов не сводима к нормам. Конечно, норму можно признать атрибутом и продуктом института, но не его социальной сущностью, для исследования которой требуется методологически более широкий социологический подход.

Вызывает сомнение и доминирующая в современной науке трактовка институтов как внешних «рамок», ограничений действий субъектов и их агентов посредством различных норм, правил, обычаев, контрактов и т. д.³⁵

Становится непонятным, как в результате действия институтов могут сокращаться транзакционные издержки, если количество препятствий у социальных акторов при этом возрастает? Уже в трудах В.О. Ключевского имеется понимание того, что институты по своей природе являются не только ограничениями, рамками, но и средством раздвижения границ возможностей субъекта. Рассуждая о сословном делении общества, ученый писал: «Существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей. Довольно простого анализа обоих этих понятий, чтобы видеть, что, когда речь идет о сословном различии обязанностей, то при этом разумеется собственно различие прав: обладая различными правами, классы общества могут нести одинаковые государственные обязанности; но если на них положены неодинаковые обязанности, то они не могут обладать равными правами»³⁶. Права институциональных субъектов, следовательно, представляют для них известные возможности, тогда как обязанности накладывают определенные ограничения на их деятельность.

Институты – это не только ограничения человеческой деятельности. Дж. Ходжсон вынужден признать, что «институты одновременно и накладывают ограничения на поведение, и расширяют его возможности. Вообще говоря, сам факт существования правил подразумевает ограничения. Однако благодаря ограничению могут открыться новые возможности, а именно могут появиться варианты выбора действий, которые при отсутствии данного ограничения не существовали бы»³⁷. Косвенно с этим соглашается и Н. Флигстин, отмечая, что, хотя «правила выступают в качестве источника ограничений, они также открывают и новые возможности. Этим подчеркивается, что акторы сами осуществляют свой выбор и что они действуют в целях обеспечения наиболее позитивных результатов для самих себя. Попадая в определенную ситуацию, акторы оценивают свои ресурсы и предпочтения, а затем выбирают способы действия, направленные на максимизацию этих предпочтений»³⁸. Верное понимание сути институтов осложняется попытками искусственно разделить традиционный и новый институционализм, часто в ущерб их общим истокам и основам.

Гипертрофированная жесткость ограничений и норм реализуется в крайней форме институтов – кастах. Касты «разрывают» общество, несокрушимыми стенами отгораживая друг от друга его членов, препятствуя постепенному преодолению институциональных барьеров. Кастовая дезинтеграция общества часто происходит в эпохи общественных «взрывов» и потрясений при отсутствии или неэффективности институциональных «амортизаторов», как это было, в частности, в поздней Римской империи³⁹. Значит, в основе природы институциональных феноменов лежит, выражаясь языком XIX в., «возревнование» – стремление к более высокому общественному положению, статусу, а не «воспятие» – препятствие, помеха или ограничение возможностей. Принцип приоритета прав был положен В.О. Ключевским в основу выделения сословий Русского государства. Существующие же в реальности ограничения и параметры «русла» институтов как социальных составляющих «варьируются, но и степень их отличия также неодинакова – от воображаемой тонкой линии до широкой промежуточной области»⁴⁰.

Как самостоятельная сущность и понятие человек изначально должен восприниматься в качестве представителя живого общественного созидющего рода – человечества. Человек институционален по своему общественному происхождению, поскольку отношение каждого индивида к человечеству как особой форме и виду жизнедеятельности закрепляется его сородичами в процессе их совместного бытия и становится способом его существования.

Системно обобщенная жизнедеятельность целостно представленного человека обладает родовыми признаками в отношениях:

- сознательности и созидательности, поскольку целенаправленно творит новую предметность и поле бытия;
- совместимости и современности, поскольку соотносится с эволюцией природы и общества во времени;
- согласованности и совместности в рамках неразрывно связанных отношениями общественных функций и структур.

Универсальность жизнедеятельности человека осуществляется, закрепляется и

развивается в естественных и общественных формах дифференциации и интеграции путем присвоения статусов индивидами, их группами и сообществами. Социальное, имплицитное или эксплицитное, закрепление конкретных форм деятельности за человеком осуществляется посредством добровольной или принудительной, свободной или вынужденной институции. Институция означает введение в статус, она есть фактор и процесс создания и закрепления статуса каждого человека.

Получая в процессе институции статус, индивид вводится с этим статусом в систему взаимодействия природы и общества, то есть в человеческое бытие. Человек рождается существом, в котором институция его естества в единстве с институцией общества создает институцию человечества как системного родового совместного существования индивидов. Вместе с тем статус человека в достаточной степени не стал еще предметом категориального описания диалектической логики, системного подхода и отдельных философских систем. Индивид признается человечеством как сородич, то есть посредством институций родства, единства и общества за ним закрепляется принадлежность к человеческому роду. *Homo sapiens* исходно предстает как *homo institutus*. Поэтому институция должна быть понята как процесс и как форма социальной спецификации и фиксации функций человеческой жизнедеятельности за индивидами, группами или сообществами, присваиваемая и воспроизводимая ими. Формирование и функционирование, субординация и координация институций происходит на уровнях существования, бытия и действительности, а также между ними. В переплетениях отношений тождества и различия институций человек обретает свое место и играет свою роль в обществе.

Будучи социальной формой типизации и закрепления функций хозяйственных субъектов и объектов, институция раскрывает свое содержание как функциональное отношение или отношение функций людей в процессе воспроизводства их жизни. Суть институции состоит в ее всеобщности как социальной формы всех человеческих действий, осуществляемых членами общества. Такая всеобщая форма предполагает соотношение не с конкретным единичным, отдельным и преходящим

действием, но способствует пониманию связи и сцепления постоянно воспроизводимых общественно значимых действий в значении более самостоятельном и отвлеченном. Это не просто действия любого существа, а действия социализированные, обобществленные по своей сути, вводящие их исполнителей в статус, определяемый в соответствии с потребностями общества. При таком понимании институции объединяются функция индивида и социум.

Поэтому принципиально не может быть человеческих действий без институций, так как любая функция общественного существа реализуется посредством определения ее места в кооперации и разделении труда, оценки ее необходимости и полезности. Институция как социальная форма функции человека вообще – «голая абстракция», которая приобретает содержание только в конкретном действии. Институция должна быть понята не только как привычный и «распространенный образ мыслей»⁴¹, но, скорее, как привычный образ жизни, жизнедеятельности. Т. Веблен отмечал: «Процесс кумулятивных изменений, который должна принимать во внимание экономическая наука, – это последовательность изменений в методах делания дел, то есть методов обращения с материальными средствами существования»⁴².

Реализуемые в рамках институций действия не могут быть единичными в данном обществе. Они – совокупность повторяемых одним лицом либо многими лицами одновременно или исторически действий и их результатов, что приводит к образованию социальных типов с соответствующими общественно признанными ролями, образами и нормами действия и поведения. Вводя человека в статус исполнителя особого социально значимого типа действий, институция обуславливает принадлежность к особой общности субъектов, равных по функции или функциональному свойству. Поэтому институция определяет не только звание, чин, сан, профессию, степень, должность, но и социальную группу, сословие, общность интересов и взглядов, иных свойств субъектов, однотипных по социальной специфике их деятельности.

Несмотря на то, что институции – реальное социальное явление, их, равно как стату-

сы и иные формы атрибутивного сопровождения человеческой деятельности, можно представить лишь мысленно. При всем том, они – отнюдь не просто некий «символический капитал» (в терминологии П. Бурдье). Это можно объяснить действительной силой институции как важного фактора бытия, результаты которого неизменно материализуются – в денежном выражении и в уровне располагаемых благ (доходах и затратах), особенностях ведения хозяйства (разный уровень риска и разные возможности для представителей различных статусных позиций), ограничениях и потенциале взаимодействия с другими людьми. Для своих агентов институции характеризуются вполне определенными затратами и доходом, причем в нормальных условиях чем выше доходность институций, тем выше уровень затрат на поддержание соответствующего статуса. Поэтому основные социальные группы неизменно конкурируют между собой за ограниченные на каждый момент времени факторы и ресурсы развития.

Расширение многообразия форм организации социально закрепленных форм конкретных функций людей развивает систему институтов общества. Такая система формирует в сознании каждого человека «воображаемые сообщества», к которым он себя относит и в соответствии с которыми ведет себя как потребитель или производитель, семьянин или гражданин, чиновник или предприниматель, студент или преподаватель, рабочий или фермер, панк или хиппи, диггер или бэггер, байкер или хакер... Ведь «все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), – воображаемые»⁴³. Неадекватность реальной принадлежности к тому или иному институту и субъективного воображаемого отнесения себя к нему может приводить к институционально неадекватному поведению, заблуждению, повышению транзакционных издержек, снижению институциональных доходов, деформации институционального экстерьера и интерьера людей⁴⁴. При этом, как отметил Р. Жирар, «наши институты... регулируют нас тем жестче, чем меньше мы помним об их роли»⁴⁵, что обусловлено их особой рефлексией.

Потенциально и реально каждый человек является агентом многих институций, реали-

зуя их в своих действиях и выступая при этом представителем соответствующего институционального субъекта. Процессы социального закрепления функций основываются на устойчивом положительном или отрицательном отношении к ним общества, на его оценках результатов выполнения этих функций в различных сферах жизни: хозяйстве, науке, религии, политике, праве, морали, искусстве, семье, государстве и пр. В рабочее время человек является агентом одних институций, в свободное время – других, возможно, полностью или частично несовместимых с первыми. Вместе с тем необходимо поставить встречный вопрос: а может ли вообще человек выжить в обществе, не будучи включенным ни в какие институты? Да, но лишь осуществляя простое воспроизводство на основе таких институций, как отшельничество или одиночество, непродуктивных с позиций общества.

Согласно верному мнению Д. Норта, институции выступают движущими силами исторического процесса, осуществляя уменьшение «неопределенности путем установления устойчивой (хотя не обязательно эффективной) структуры взаимодействий между людьми»⁴⁶. При этом нельзя игнорировать значение технологических «прорывов», географических открытий, освоения новых территорий и природных ресурсов, развития человеческого потенциала, прогресса знаний и способностей людей, развития коммуникаций и др., которые играли не меньшую роль в экономической истории. Вместе с тем необходимо преодолеть актуальную фетишизацию институтов в теории и практике. Редукция экономической теории к институционализму, как это предлагает Р. Коуз⁴⁷, неуместна и лишена оснований, но и игнорирование институционального направления исследований чревато отложенными во времени негативными эффектами.

Зададимся вопросом: действительно ли институты «решают все»? Ведь, несмотря на их неоспоримую значимость, «образцы нашего поведения не могут разрастаться настолько, чтобы подменять решения, которые мы принимаем в жизни!»⁴⁸. Насколько искусственная и экономически не всегда обоснованная институциональная гипертрофия (хотя сейчас такая перспектива может быть интерпретирована как необоснованное фантазерство)

соответствует стратегическим задачам экономического реформирования? Рационально ли закладывать в государственные программы и стратегии такой курс? Ведь подобные «перегибы» могут оказаться непосильными для ослабленных инвестиционных возможностей российской экономики, даже при сохранении в среднесрочном периоде позитивных тенденций конъюнктуры на мировых рынках.

Становится реально необходимым баланс количества и качества рыночных институтов, достигаемый на основе мониторинга соотношения издержек их «селекции» («инкубации») в автохтонном хозяйстве или «трансплантации» из аллохтонных хозяйственных систем⁴⁹. От экономической науки требуется разработка системы критериев и показателей эффективности таких процессов, а в дальнейшем – системы индикаторов институциональных, организационных, информационных и, в целом, транзакционных измерений хозяйственной системы. Некоторые методологические продвижения в этом направлении уже осуществлены⁵⁰. Нарушение пропорциональности факторов в транзакционном триплексе хозяйства России порождает многочисленные локальные и системные противоречия. Поэтому нужен переход к механизму гармонизации условий, ресурсов, резервов, факторов, продуктов, эффектов, процессов общественного бытия.

Теоретической основой его разработки должна стать эволюционная экогенетика, интегрирующая институциональную теорию, теорию организаций и информационную экономику. В рамках общеэкономической теории она должна дополняться исследованиями по инновационной экономике и теории технологических укладов, экологической экономике, теории устойчивого развития, человеческого капитала и др. При этом эволюционная теория не должна замыкаться на какой-либо сфере хозяйства или фазе воспроизводственного цикла, не должна ограничиваться рамками определенного уровня строения хозяйственной системы или сводиться к какому-либо аспекту ее специального анализа (например, институциональному, технологическому или монетарному). В начале XXI столетия необходимость широкого междисциплинарного подхода уже не подлежит сомнению, напротив, замыкание в тесных рамках превратно понято-

го и искусственно редуцируемого предмета «чистой экономической науки» ведет лишь к непродуктивному самоограничению. Будущее – за эволюционным экогенетическим подходом, конкретно-исторической формой становления которого является преобладающий ныне институциональный фетишизм.

Итак, институции будем понимать как социальные формы типизации и фиксации функций хозяйственных субъектов, определяющие их статусы и роли в воспроизводстве предметного и процессного «миров» общественного бытия, образующие систему отношений функциональной структуры общества. Тогда организации – это социальные формы структуры, возникающие между хозяйственными субъектами на основе их связей в процессе производства и формирующие систему отношений элементной структуры общества. Каждая организация, или учреждение, обеспечивает, устанавливает, внедряет и проводит в жизнь соответствующую ей институцию (чаще – их комплекс). Организация как устойчивая система отношений между субъектами, выполняющими различные функции в процессе достижения общей цели, связывает воедино различные институции и институты, устанавливая их координацию и субординацию, осуществляясь на их основе.

Развитие институций как форм общественного разделения труда необходимо связано с прогрессом экономических организаций как форм его кооперации. Так, по мере возрастания капиталистического уклада «постепенно производство... разделяется на различные частичные операции, каждая из которых откристиаллизовывается в исключительную функцию рабочего-специалиста и совокупность которых выполняется союзом таких частичных рабочих»⁵¹. Марксов термин «разделение труда» достаточно метафоричен, ведь труд, будучи процессом универсального, активного, творческого, продуктивного преобразования человеком природы (естественной или искусственной), не может быть разделен на некие части, становящиеся к тому же функциями людей.

То, что К. Маркс называл «разделением труда» суть единство процессов дифференциации частичных трудовых функций и специализации акторов по ним. Первый из указанных процессов отражает изменения в инсти-

туциональной структуре, а второй – в структуре агентов. Своим совокупным действием они дифференцируют исходно бинарную (в силу базового полового «разделения труда») целостность общества в многообразии институций, интегрируя агентов вокруг каждой из них: «Различные работы, создающие... продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда (курсив наш. – О. И.)»⁵². Из рассуждений К. Маркса следует, что институции представляют собой производительные (не путать с производственными!) функции людей, а также субъектов коллективного действия.

Дифференциация частичных трудовых функций дополняется их интеграцией, а специализация акторов на исполнении конкретных институций сочетается с их кооперацией на базе экономических институтов. Это отвечает идеям Г. Спенсера, понимавшего эволюцию как двуединый процесс интеграции и дифференциации, его словами, – «изменение от несвязной однородности к связанной неоднородности»⁵³. Взаимосвязь факторов институции и организации в ходе эволюции понималась и К. Марксом, который рассматривал «разделение труда» как особый вид кооперации, поскольку исполнители частичных функций становятся все более зависимыми друг от друга, развивая свою виртуозность и формируя «связные функции»⁵⁴, очевидно, исполняющиеся в структурных рамках рабочих групп. Великий немецкий ученый писал, что «каждая отдельная группа, известное число рабочих, выполняющих одну и ту же частичную функцию, состоит их однородных элементов и образует особый орган совокупного механизма»⁵⁵, то есть, в нашем представлении, институциональный орган как структурированную институцию.

Эволюционное взаимодействие функциональных и структурных форм в обществе, то есть институций и организаций, порождает институты и органы хозяйственной системы, причем институциональная организация становится институтом, а организованные инсти-

туции – отдельными органами, обеспечивающими функционирование и развитие организации в целом и воспроизводство «своей» институции.

Институт является типовой организационной формой комплекса однородных институций, обеспечивающей их воспроизводство и гомеостазис как целостной системы социально признанной и необходимой деятельности. Следовательно, институт выступает моделью конкретных организаций, задавая структурно-функциональные рамки формирования устойчивых связей и отношений между их агентами и клиентами. Таковы, например, образовательные, научные, профсоюзные, партийные, религиозные, кредитные и другие учреждения. Поэтому институты неверно сводить к неким социальным рамкам человеческой деятельности, поскольку этот аспект их бытия вторичен по отношению к их сущности. Но их нельзя и отождествлять с конкретными организациями, функционирующими в хозяйстве. Поскольку импульсом возникновения и сущностью любого института являются «его» институции (то есть те, которые лежат в его основе), то и все обозначения институтов также связаны с понятием функции и действия, указывают на сферу, масштабы, границы, особенности, социальную оценку, постоянство, место среди других членов общества, образ их жизни и поведения.

Орган предстает как структурированная институция, обеспечивающая функционирование и развитие организации, в которой «прогресс осуществляется скорее благодаря постепенной адаптации старых органов к новым функциям, чем благодаря их ослаблению и отмиранию»⁵⁶. Например, в профсоюзе союзничество профессионалов является институцией, а ее организация в рамках отрасли – институтом, который представлен локальными организациями на предприятиях с соответствующими органами в виде собраний, конференций, комиссий. Орган не может быть сформирован вне института. Так, различные комиссии и комитеты суть органы государственных институтов, а на предприятии отдельные функции структурируются в форме особых органов – отделов, подразделений, бюро, цехов, профсоюза, кружков контроля качества и т. д. Поэтому органы зависимы от своих институтов, создаются для повыше-

ния их устойчивости и эффективности в конкретном, подчас довольно узком аспекте деятельности.

Очень часто одни и те же феномены могут рассматриваться и как институты, и как конкретные формы организации, что во многом зависит от их масштабов. Например, институты кредиторства при их общей содержательной основе могут проявляться в виде меняльной конторы, ломбарда, сберегательной кассы, кассы взаимопомощи, банка и кредитного учреждения вообще. В результате игнорирования масштаба происходит «сращивание» понятий, характеризующих институты и организации. В этом смысле необходимо различать профсоюз как институт и профсоюзную организацию, институт церкви и организацию церкви, партию как институт и партийную организацию и т. д. Предприятие – институт, но только в рамках его конкретной организации – завода, фабрики, магазина, бюро, автоколонны и т. п.; оно реализует определенное структурное бытие институции предпринимательства.

Следует учитывать, что формы организации одного и того же института могут быть различными: предприятия могут быть малыми, средними и крупными; вертикально или горизонтально интегрированными; сетевыми, матричными и «виртуальными» и т. д., что не отменяет их общей структурно-функциональной основы. В юридическом аспекте предприятия могут быть учреждены в формах акционерного общества или союза, хозяйственного общества или товарищества, муниципального, унитарного, совместного предприятия и т. д.

Кроме того, в современной науке закрепилось стремление к идентификации (выявлению) функций тех или иных институциональных форм (например, малого бизнеса, предприятий⁵⁷, государства и т. д.), а также организаций и институтов в целом⁵⁸. Такой аналитический прием методологически некорректен, поскольку речь должна идти не о функциях института как такового или его организационной формы, а об институциях, составляющих основу их деятельности, отражая разделение труда внутри хозяйственных субъектов коллективного действия.

Институции и институты, организации и органы хозяйственной системы непрерывно

осуществляют замысловатый метаморфоз, «сворачиваясь» в устойчивые и стабильные социальные формы бытия и «разворачиваясь» в многообразие их эволюционных проявлений. По сути, «в динамике истории становление выражено судьбами и деяниями людей, а ставшее – в надличностных результатах их деятельности и в институированных формах общественной организации»⁵⁹. «Ставшее» здесь понимается, конечно, условно, то есть в актуальном социальном времени, поскольку с позиций процессуального подхода любой институт есть процесс, в котором единство бытия и небытия выражает развитие в форме становления.

Посредством Конституции как Основного закона и системы правовых норм общество отбирает и закрепляет полезные институции, координируя их на основе общественного консенсуса и компромисса, в результате чего происходит консолидация их многообразия в единстве институциональной системы. Но Конституция может быть принята лишь на основе решения особого органа всеобщей организации – Конгрессии (исходя из понятий ингрессии и дегрессии в тектологии А.А. Богданова), которая осуществляется Собором, вече, сходом, ассамблеей, съездом, Верховным или Государственным советом, всенародным референдумом, конгрессом, конференцией и иными формами национального или народного собрания как институциональным органом общественного представительства. Обосновывая конституционные и конгрессионные принципы общественного устройства, следует исходить из того, что «не человек существует для государства; наоборот – государство существует для человека»⁶⁰. Государство – консолидированный институциональный агент общества. Фундаментальный анализ конгрессионного воздействия общества на государство и обоснование конституционных предпосылок эффективного развития хозяйства⁶¹ необходим, чтобы преодолевать государственно-монополистические тенденции, как это было в период СССР, или противостоять государственно-монополистическому капитализму и крупным частным монополиям в современной России.

Конечно, «в каждом обществе существуют стихийные зависимости, не связанные с

формальными общественными установлениями и зачастую противоречащие конституции»⁶². Но и они опираются на сложившуюся неформальную институциональную структуру, которая будет со временем воспринята или отвергнута обществом. При этом «конституционный закон приобретает тем большую важность, чем больше социетальное сообщество отделяется от своего государства»⁶³ как господствующего института.

Выступая общественно значимым сложным фактором прогресса, формируясь на пересечении транзакционных движущих сил человеческого бытия, институция подтверждает социальное свойство действия и функциональное состояние его элементов. Таким образом, прямо или косвенно фиксируется общественный смысл, форма и оценка образа действия как постоянно повторяющегося и воспроизводящегося, как образа жизнедеятельности особого типа субъекта.

Постоянным воспроизводством устойчиво закрепленных за отдельными индивидами, их группами и сообществами функций институты порождают особое состояние или положение как своих агентов, так и других, не входящих в данные или входящих в другие институты людей, а также их групп и сообществ. В итоге определяются и дифференцируются их социальные статусы, которые суть продукты институций, вводящих хозяйственных акторов в определенное социально закрепленное достоинство и положение благодаря институтам. К различным формам проявления статусов относятся должности и чины, звания и титулы, регалии и т. д.

В этом процессе возникают нормы выполнения социально признанных функций, а также правила и порядки, алгоритмы и процедуры, обряды и ритуалы, традиции и новации их реализации. Норма связана со статусом, она его критерий, показывающий соотношение индивидуального исполнения с общественно необходимыми (массовыми, средними, формально или неформально закрепленными) параметрами институции. «Каков бы ни был тип общества, жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от... одного рода деятельности к другому. Там, где переход от одной деятельности к другой является жизненной вехой, он сопро-

вождается особыми действиями»⁶⁴. Каждый такой переход вызывает новое нормирование институционального фактора человеческой деятельности.

Согласно А. Маршаллу, экономическую науку особенно интересует та сторона жизнедеятельности человека, «где он чаще всего высчитывает выгоды и невыгоды какого-либо конкретного действия, прежде чем к нему приступить». Но не менее важна и «та сторона его жизни, в которой он, следуя привычкам и обычаям, поступает в данный момент без предварительного расчета, но при этом сами эти привычки и обычаи почти наверняка возникли в процессе тщательного выявления выгод и невыгод различных образов действий»⁶⁵. А «то, что делает один образ действий предпочтительнее другого, вовсе не обязательно сводится к корыстной или материальной выгоде»⁶⁶, ведя не только к повышению дохода, но и к экономии издержек, в том числе институциональных. Это получается за счет преодоления таких ситуаций, которые могут «подмочить репутацию» или спровоцировать неловкость («оконфузить»), «выставить в дурном свете» или «накалить обстановку», создать неудобное или «затруднительное положение» и т. д.

Поскольку институции, с одной стороны, соответствуют потребностям людей и обладают полезностью, а с другой – требуют осуществления затрат на их воспроизводство, то они обладают стоимостью. Отношение полезности к стоимости выражает ценность институции в статусе, который она присваивает своему агенту. Статус также обладает полезностью и стоимостью не только для своего носителя, но и для общества. Изначально статус существует как продукт институции, пока он производится как бы для себя. Но, когда статус начинают производить для других, на продажу, он превращается в товар, а производящая его институция – в капитал, приносящий доход. Поэтому статус, как единство блага и затраты, то есть как товар, можно создавать, распределять, потреблять, обменивать, продавать, покупать, дарить, наследовать, сдавать в аренду, терять и т. д., получая при этом возмещение произведенных затрат, доход, неся соответствующие издержки и потери, порождая эффекты и ущербы.

Институциональный капитал – одна из видовых форм транзакционного капитала, отражающая возможность получения дохода за счет приобретения статуса субъектами хозяйствования, обусловленного их принадлежностью к определенным институтам. В этих организованных системах отношений интегрируются большие группы людей на основе признанного их участниками механизма согласования общих интересов, предусматривающего определенные правила, нормы, традиции и стимулы воспроизводства сложившихся ценностей. Издержки институционального капитала также можно разделить на индивидуальные (для создания статуса отдельным институтом) и общественно необходимые (средние для создания наиболее массовых статусов распространенных в обществе институтов). Представляется целесообразным выделять как индивидуальную, так и общественную потребительную стоимость института и даваемого им статуса.

Институты, присваивая своим агентам постоянные роли, как особым действующим лицам с закрепленными типическими «надындивидуальными» качествами, обуславливают их общественную ценность для исторически конкретных условий жизни. Агенты институтов определяются, отождествляются и различаются через их положение и состояние, чин и сан, звание и степень, должность и статус, поддерживаемые социальными формами закрепления их функций. В институциональных понятиях отражается функциональная дифференциация бытия, которая есть условие и результат аспектной интеграции в рамках институтов всех их агентов с однородными признаками жизнедеятельности – институтами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Поляков Р.И. Обобществление производства в условиях развитого социализма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 7.

² Экономическая теория – хозяйственной практике / С.Н. Мареев, В.И. Панченко, А.К. Покрытан, Г.П. Солодков. М.: Экономика, 1990. С. 115.

³ См., напр.: Мамедов О.Ю. Институционализм – приоритет вторичности? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1, № 1.

⁴ Речь, в частности, идет о концепции «новой хронологии», предложенной историком академиком А.Т. Фоменко, которая справедливо критикуется как результат фальсификации. См., напр.: Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Т. 1: Русь; Т. 2: Англия, Рим. М., 1995; История за и против истории: В 2 кн. / Под ред. Ю.М. Осипова, И.В. Бестужева-Лады и др. М.: Центр общественных наук, 2000.

⁵ Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 11.

⁶ Львов Д.С. Предисловие // Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 7.

⁷ См.: Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 42–51.

⁸ Большой толковый социологический словарь (Collins): Пер. с англ. Т. 1 (А – О). М.: Вече: АСТ, 2001. С. 248.

⁹ Общая социология: Учеб. пособие / Под общ. ред. проф. А.Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 215, 222.

¹⁰ См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. кн. «Начала», 1997; Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. 408 с.; Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. 464 с.

¹¹ См.: North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Eggertsson T. Economic Behavior and Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Hodgson G.M. Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics. Cambridge: Polity Press; Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1988.

¹² См., напр.: Neale S. Art Cinema as Institution // Screen. 1981. Vol. 22, № 1. Русский перевод см.: Нил С. Арт-кинематограф как институция // Логос. 2002. № 5–6.

¹³ См.: Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

¹⁴ См.: Best M.H. The New Competition // Institutions of Industrial Restructuring. Cambridge: Polity Press, 2002; Neale W. Institutions // Journal of Economic Issues. 1987. Sept. Vol. XXI, № 3; North D. Institutions // Journal Of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5: 1; Nee V., Ingram P. Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange, and Social Structure // The New Institutionalism in Sociology / M. Burton and V. Nee,

eds. N. Y.: Russel Sage, 1998; Stein J. How Institutions Learn: A Socio-Cognitive Perspective // Journal of Economic Issues. 1997. Sept. Vol. XXI, № 3; Stanfield J. Institutions and The Significance of relative prices // Journal of Economic Issues. 1995. June. Vol. XXIX. Iss. 2; и др.

¹⁵ См.: Hodgson G. From Habits to Institutions // Journal of Economic Literature. 1998. March. Vol. 36. Iss. 1.

¹⁶ См.: Филипенко А.С. Экономическое развитие: цивилизационный подход. М.: Экономика, 2002. С. 67.

¹⁷ Уточненный вариант исходной формулы, ранее данной в: Иншаков О.В. Потенциал эволюционного подхода в экономической науке современной России // Экономическая наука современной России. 2004. № 4. С. 42–46.

¹⁸ См.: Иншаков О.В. Простые основания сложных экономических систем // Философия социальных коммуникаций. 2006. № 2. С. 5–17.

¹⁹ См.: Иншаков О.В., Олейник О.С., Слепцов Н.С. О стратегии развития Южного федерального округа // Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под ред. акад. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2004. С. 192–194.

²⁰ Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. I. М.: Прогресс, 1983. С. 329.

²¹ Клейнер Г.Б. Агенты и институты: к проблеме институционального выбора // Homo institutus – Человек институциональный. С. 111.

²² Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 200, 201.

²³ См.: Ходжсон Дж. Жизнеспособность институциональной экономики. Эволюционная экономика на пороге XXI века. М.: Япония сегодня, 1997.

²⁴ См.: Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3; Шаститко А.Е. Условия и результаты формирования институтов // Там же.

²⁵ См.: Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35, № 2.

²⁶ Гребенников В.Г. Институционализм как методология экономической науки // Институциональная экономика: Учеб. пособие / Под рук. акад. Д.С. Львова. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 35–37.

²⁷ Гребенников В.Г. Ассоциации на пройденные темы // Экономическая наука современной России. 1998. № 1.

²⁸ См.: Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. С. 16; Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2003. № 1. С. 27.

²⁹ Сухарев О.С. Основные понятия институциональной и эволюционной экономики. Краткий курс лекций: Учеб. пособие. М.: Центр эволюционной экономики ИЭ РАН; Брянск: Изд-во БГУ, 2004. С. 18.

³⁰ Ходжсон Дж. Предисловие к русскому изданию // Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. С. 9–14.

³¹ Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М. Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты: Учеб. для студ. вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.

³² Ходжсон Дж. Указ. соч. С. 11–12.

³³ Зотов В.В., Пресняков В.Ф., Розенталь В.О. Институциональные проблемы функционирования и преобразования экономики России // Экономическая наука современной России. 1999. № 1. С. 10.

³⁴ Клейнер Г.Б. Указ. соч. С. 17, 19.

³⁵ См.: Шаститко А. Условия и результаты формирования институтов // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 67; Шаститко А.Е. Неинституциональная экономическая теория. М.: Экон. фак. МГУ: ТЕИС, 1998. С. 84; Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 188; и др.

³⁶ История сословий в России проф. В. Ключевского: Курс, читанный в Московском Университете в 1886 г. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1914. С. 2.

³⁷ Ходжсон Дж. Указ. соч. С. 12.

³⁸ Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002. С. 131.

³⁹ См.: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. СПб.: Наука, 2001. Т. II. С. 232.

⁴⁰ Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 175.

⁴¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 201–202.

⁴² Цит. по: Уинтер С. Естественный отбор и эволюция // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена: Пер. с англ. / Науч. ред. чл.-кор. РАН В.С. Автономов. – М.: ИНФРА-М, 2004. С. 612.

⁴³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. С. 31.

⁴⁴ Подробнее см.: Иншаков О.В., Фролов Д.П. Человек – институциональная система // Homo institutus – Человек институциональный. С. 210–218.

⁴⁵ Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое лит. обозрение, 2000. С. 29.

⁴⁶ Норт Д. Указ. соч. С. 21.

⁴⁷ См.: Интервью с Рональдом Коузом // Квартальный бюллетень клуба экономистов. Вып. 4. Минск: Пропилеи, 2000. С. 17.

⁴⁸ Мураками Х. Страна Чудес без тормозов и Конец Света: Роман. М.: Эксмо, 2003. С. 350.

⁴⁹ См.: Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3; Клейнер Г.Б. Особенности процессов формирования и эволюции социально-экономических институтов в России: Препринт # WP/2001/126. М.: ЦЭМИ РАН, 2001.

⁵⁰ См.: Иншаков О.В. О стратегии развития Южного макрорегиона России: (Методологические и методические проблемы формирования). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 83–85.

⁵¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I: Процесс производства капитала. М.: Госполитиздат, 1951. С. 343.

⁵² Там же. С. 84.

⁵³ Spencer H. On Social Evolution (selected writings edited and introduced by D.Y. Peel). Chicago: Aldine, 1972. P. 71.

⁵⁴ Маркс К. Указ. соч. С. 345–346, 358.

⁵⁵ Там же. С. 354.

⁵⁶ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 41.

⁵⁷ См.: Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. С. 100–106.

⁵⁸ См., напр.: Лебедева Н.Н. Институциональная экономика: Лекции, тесты, задания: Учеб.-метод. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 50–56.

⁵⁹ Туровский М.Б. Философские основания культурологии. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1997. С. 339.

⁶⁰ Маритен Ж. Указ. соч. С. 21.

⁶¹ См.: Баренбойм П.Д., Лафитский В.И., Мау В.А. Конституционная экономика. М., 2001. С. 8–9.

⁶² Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. С. 202.

⁶³ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 34.

⁶⁴ Геннеп А. ван. Указ. соч. С. 8–9.

⁶⁵ Маршалл А. Указ. соч. С. 76–77.

⁶⁶ Там же. С. 77.